

УДК 341.251.1-232.37

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ В 1929 ГОДУ**

*канд. ист. наук, доц. И.И. ЯНУШЕВИЧ
(Белорусский государственный университет)*

Проводится анализ причин изменения форм и методов антирелигиозной работы в СССР и БССР на рубеже 1920-х – 1930-х годов. Исследуются изменения общественно-политической ситуации накануне года «великого перелома» и имеющиеся противоречия в деле формирования у населения материалистического мировоззрения. Показана роль партийных, комсомольских и иных общественных организаций в деле борьбы с религией и церковью. Анализируется обоснованность применения к религиозным организациям и священнослужителям классового подхода.

Ключевые слова: год «великого перелома», антирелигиозная пропаганда, Православная церковь

Введение. Общественно-политическая ситуация во второй половине 1920-х гг. отличалась крайней нестабильностью. При всей видимости единства партии, пропагандируемой смычке города и деревни, имевшие место противоречия носили системный характер. Церковный вопрос вызывал наибольший интерес. Целью данной работы является исследование основных направлений антирелигиозной агитационно-пропагандистской деятельности партийно-государственных структур в условиях года «великого перелома». Необходимо определить предпосылки усиления антирелигиозной атаки в 1929 г., формы и методы борьбы с религиозностью населения и дать оценку их эффективности. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.

Источниковую базу исследования составляет делопроизводственная документация ЦК КП(б)Б, НВКД БССР, Центрального совета Союза воинствующих безбожников и Комиссии культов при ЦИК СССР. Историография вопроса весьма обширна, но практическую значимость для современной исторической науки имеет небольшое количество изданий. Например, исследования 1929 г. и 1930 г. отличаются от последующих более реальной оценкой обстановки на антирелигиозном фронте. Предназначенные для целевой аудитории они сохранили атмосферу, в которой реализовывалась государственная конфессиональная политика. Жесткие идеологические рамки еще позволяли доносить свое видение вопроса. Работам нельзя отказать в определенной оригинальности и даже некой дискуссионности. Авторы в основном являлись непосредственными участниками реализации политики в отношении религии и церкви [1–6]. Со второй половины 1930-х гг., в силу полного отсутствия возможности использования фактического материала и наличия озвученных высшим партийным руководством идеологических установок, основное внимание уделялось усовершенствованию форм подачи имеющейся информации о вреде религии и церкви [7–8]. Послевоенные исследователи также в основном ограничивали свои научные поиски на начале 1930-х годов как по причине узости источниковой базы, так и по причине неоднозначности оценки предвоенного периода высшим партийным руководством. Ближе всех к изучению вопроса в целом подошел российский ученый В.А. Алексеев [9], рассмотрев его на примере деятельности комсомола, а так же А.Н. Кашеваров [10] и М.В. Шкаровский [11] – на примере политики государства по отношению к Русской православной церкви. Первыми из белорусских ученых вопрос начали изучать В. Новицкий [12] и Т. Протько [13].

Основная часть. Дискуссии об отношении социалистического государства к носителям религиозных верований, церковным организациям и священнослужителям имели место практически постоянно, в том числе в высших эшелонах власти. Взгляды по вопросу борьбы с религией и церковью зависели от политической конъюнктуры в конкретный период внутрипартийных процессов, от мировоззренческих установок каждого человека, от степени его деградации вследствие увлечения радикальными идеями большевизма. Это показало и Всесоюзное совещание в 1926 г. В выступлениях борцов с религией и церковью методы этой борьбы различались. Были как требования признания религии и духовенства классовыми врагами с применением к ним соответствующих революционных мер, так и предложения о необходимости организации наступательной профилактической работы [14, л. 34]. Совещание не привело к консенсусу и не выработало действенных мер по борьбе с религиозностью населения. Попытка скомпрометировать религию, церковь и духовенство, обвинив в консервативности, контрреволюционности, мракобесии, не возымела своего воздействия на 80% населения [15, л. 2]. Именно столько процентов граждан, по мнению ОГПУ, продолжало оставаться верующими к 1928 г. Более того, к 1929 г. наметилась тенденция роста религиозных организаций. Проводимая за счет административного давления и резких антирелигиозных кампаний церковная политика вызывала раздражение у граждан. Наличие церковных организаций и священнослужителей никак не противоречило, по мнению населения, осуществляе-

мым социально-экономическим преобразованиям, а целый ряд граждан причины неудач связывал с безбожной властью. Иногда подобные мысли высказывались публично. Особенно ситуация обострилась на кануне перевыборов 1929 г., когда конституционную норму о праве избирать и быть избранным граждане поняли буквально. Попытки выдвижения кандидатов не от правящего блока приравнивались к контрреволюционной деятельности. Избрание же в депутаты представителя власти комментировалось следующим образом: «Беда. Опять антихриста выбрали» [16, л. 30].

Мнение о путях дальнейшего развития единственного в мире социалистического государства к концу 1920-х г. вылилось в план крупномасштабных социальных преобразований. Предложенная программа действий предполагала построение нового более благополучного и справедливого общества, способного обеспечить свой суверенитет и целостность путем проведения индустриализации, коллективизации и коренных преобразований в гуманитарной сфере. Для этого всему советскому народу необходимо было слиться в единое целое и во всеобщем порыве добиться реализации всех своих планов. Возникшие на пути построения социализма и коммунизма препятствия, несомненно, следовало ликвидировать.

В сентябре 1927 г. И. Сталин обозначил в беседе с первой американской рабочей делегацией, что компартия должна возглавить борьбу с религией и церковью: «Партия не может быть нейтральна в отношении религии, и она ведет антирелигиозную пропаганду против всех и всяких религиозных предрассудков, потому что она стоит за науку, а религиозные предрассудки идут против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке... Партия не может быть нейтральной в отношении религиозных предрассудков, и она будет вести пропаганду против этих предрассудков, потому что это есть одно из верных средств подорвать влияние реакционного духовенства, поддерживающего эксплуататорские классы и проповедующего повинование этим классам» [17, с. 132]. Безусловно, даже если предположить, что вождь, знакомый с религиозной терминологией, под «религиозными предрассудками» понимал именно предрассудки, а не верования, то все равно непосредственные исполнители должны были это принять в большевистской трактовке. Все духовенство являлось для партийных, комсомольских, государственных деятелей реакционным, поэтому становилось очевидным с кем необходимо бороться.

Как указал вождь, единственной силой, которая могла выступить организатором подобной борьбы, была компартия, значительно укрепившаяся к концу 1920-х гг. Внутрипартийная оппозиция была фактически купирована. Генеральный секретарь со строгой иерархией секретарей различных уровней контролировали все комитеты и первичные организации. Цензурный контроль и оперативное управление прессой и издательствами максимально сузили возможности оппонентов. ЦК национальных республик были укомплектованы проверенными кадрами, уже успевшими, например, в БССР, ликвидировать националистические группы как носителей буржуазной идеологии. Однако ситуация с уничтожением религии и церкви тормозилась, в том числе и партийными деятелями. На опасность подобных колебаний указывал И. Сталин: «Бывают случаи, что кое-кто из членов партии иногда мешает всемерному развертыванию антирелигиозной пропаганды. Если таких членов партии исключают, так это очень хорошо, ибо таким коммунистам не место в рядах нашей партии» [17, с. 133].

В БССР ситуацию иначе как критической назвать не возможно. Весной 1928 г. секретарь ЦК КП(б) В. Кнорин констатировал: «Сейчас мы наступаем на религию, а поп и ксендз наступают на нас. Мы с трудом удерживаем те позиции, которые имели несколько лет назад, больше того, мы, очевидно, отступаем от этих позиций. Успехи религиозного движения являются показателем того, что мы с той колоссальной задачей, которая перед нами стоит – распространения антирелигиозного влияния над рабочим классом – не справились» [18, л. 26-27]. Через год в постановлении бюро ЦК КП(б) «О мероприятиях по усилению антирелигиозной работы» констатировалось: «Бюро ЦК отмечает, что несмотря на наличие целого ряда директив со стороны ЦК об усилении антирелигиозной работы, эта работа остается все еще не развернутой, проводимой от кампании к кампании и в целом неудовлетворительной, ни в каком случае не могущей противостоять оживлению религиозных организаций и особенно всякого рода сект, католического духовенства и еврейского клерикализма, которое происходит на фоне обострения классовых борьбы... Бюро ЦК постановляет: Подтвердить постановление Секретариата ЦК от 17/VII-28г. о задачах антирелигиозной работы, которая осталась почти полностью невыполненной и даже недовершенная Окружками до низовых парторганов /РК, ячейки/, что лишней раз свидетельствует о недостаточном внимании со стороны ОК к антирелигиозной работе» [19, л. 1].

На заседании оргбюро ЦК ВКП(б) 10 декабря 1928 г. Е. Ярославский при обсуждении мер по усилению антирелигиозной работы также подвергает партийно-государственные структуры острой критике: «Товарищи, предложенная здесь резолюция и фактический материал, розданный вам, рисуют в довольно неприглядном виде положение антирелигиозной пропаганды и религиозных организаций. Постановку этого вопроса в ЦК мы рассматриваем как постановку одной из сторон нашего наступления на капиталистические элементы во исполнение решений XV съезда. Я должен сказать, что партия слишком мало обращает внимания на то, что в лице религиозных организаций капиталистические элементы имеют сложный и сильный аппарат агитации и пропаганды, имеющий за собой опыт столетнего влияния и опираю-

щийся на невероятную техническую и культурную отсталость сельского хозяйства, на все еще сильное влияние кулачества» [20, л. 7].

В циркулярном письме ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы» за подписью Л. Кагановича сообщается: «ЦК партии обращает внимание на то, что партийные, комсомольские и др. общественные организации оказывают «Союзу безбожников» и делу антирелигиозной пропаганды слишком незначительную поддержку (из 128 парткомов за январь-июнь 1928 г. 64 совершенно не обсуждали вопросов антирелигиозной пропаганды, а парткомы, где этот вопрос стоял на обсуждении, в большинстве случаев ограничились принятием резолюций общего характера, без обеспечения фактических возможностей их осуществления). ВЛКСМ почти совершенно не уделяет внимания систематической антирелигиозной пропаганде... ЦК обращает внимание на то, что успехи антирелигиозной пропаганды тормозятся тем, что в рядах партийцев, комсомольцев, членов профсоюзов и других советских организаций наблюдается недооценка таких явлений, как усиление реакционного влияния религиозных организаций не только на широкие массы рабочих и крестьян, но, кое-где, в особенности на мусульманском Востоке, в Белоруссии, и на низовой аппарат Советской власти» [21, л. 2].

Приведенные выше материалы показывают степень вовлеченности партийных и комсомольских организаций в антирелигиозную работу. Группе И. Сталина предстояло переломить ситуацию. Круг единомышленников должна была составить как минимум вся партия и весь комсомол, потому что число предполагаемых противников было крайне велико, а в организационном и пропагандистском плане они были более подготовленными.

Следует отметить, что новая буржуазная нэпмановская прослойка как и самая зажиточная часть крестьянства не вызывали симпатий не только у граждан с оголенным большевистским мирозерцанием, но и у населения в целом. Все к ним причисленные должны были вызывать те же чувства, однако сплести в подобную триаду кулака, нэпмана и попа было весьма проблематично. Православная церковь, несмотря на все имеющиеся внутренние противоречия, имела гораздо больший авторитет, чем накануне революции. Противостояния между конфессиями практически не наблюдалось, а антисемитизм носил скорее этнический характер. Стравливание различных групп верующих и поведение отдельных их представителей слабо способствовали утверждению атеистических взглядов. Внутри- и внешнеполитическая обстановка же требовали от руководства страны решительных действий по развитию народного хозяйства. Единственным источником для ускоренных темпов развития могла стать беспощадная эксплуатация своего народа и природных ресурсов, в том числе, для обеспечения экспортных поставок в обмен на оборудование и технологии. Реальные деньги, зерно или иные виды продовольствия имелись у достаточно небольшой группы людей. Несбалансированность хозяйственной деятельности привела к серьезным кризисным явлениям на уровне государства, в первую очередь в деле заготовки зерна. Без экспроприации продовольствия у кулаков правительство не видело возможности дальнейшего развития, а политический штаб задумывал еще более сложный выпад в сторону предполагаемых противников существующего режима. И. Сталин в выступлении перед активом московской организации ВКП(б) 13 апреля 1929 г. предложил план действий в стиле троцкистско-зиновьевской оппозиции: «Были тогда такие чудачки в нашей партии, которые думали, что Ленин понял необходимость борьбы с церковью лишь в 1921 году, а до того времени он будто бы не понимал этого. Это, конечно, глупость, товарищи. Ленин, конечно, понимал необходимость борьбы с церковью и до 1921 года. Но дело вовсе не в этом. Дело в том, чтобы связать широкую массовую антирелигиозную кампанию с борьбой за кровные интересы народных масс и повести ее таким образом, чтобы она, эта кампания, была понятна для масс, чтобы она, эта кампания, была поддержана массами. Получилась в известной степени такая же комбинация (конечно, с соответствующими оговорками), какая имела место в 1921 году, когда партия во главе с Лениным, ввиду голода в стране, поставила вопрос об изъятии ценностей из церквей на предмет приобретения хлеба для голодающих районов, построив на этом широчайшую антирелигиозную кампанию, и когда попы, уцепившись за ценности, выступили на деле против голодающих масс и тем самым вызвали озлобление масс против церкви вообще, против религиозных предрассудков в частности, против попов и их руководителей в особенности» [22, с. 500].

В целом, конец 1928 г. начало 1929 г. стали временем поиска новой модели государственно-церковных отношений. В области организации антирелигиозной работы единого мнения о формах и методах ее осуществления, да и какого то цельного плана, в общем, не имелось. Поступавшая оперативная и аналитическая информация явно указывала на слабые достижения в деле распространения атеизма и имевшемся в первую очередь идеологическом и организационном потенциале религиозных организаций. (На заседании оргбюро ЦК ВКП(б) 10 декабря 1928 г. Е. Ярославский приводит следующие цифры и аргументы: «Актив религиозных организаций составляет около 500 тыс. членов духовных советов 2 различных религиозных организаций. Эти члены духовных советов почти исключительно, или, по крайней мере, наполовину – лишены избирательных прав, бывшие помещики, торговцы, кулаки... Они имеют, кроме того, 350 тысяч агитаторов и пропагандистов-служителей культа, затем, около 100 тысяч монашествующих. Таким образом, если взять только этот актив, то мы получим около одного миллиона актива,

политически иногда очень сильного, действительно пользующегося известным влиянием и имеющего определенную материальную базу, которой, мы, безбожники, обычно не имеем... Они до сих пор еще сравнительно используют наши школы, по крайней мере, школьников используют. В Москве 35–40% школьников, так или иначе, обслуживаются церковниками, иногда школьники комсомольского возраста посещают церковь... Духовенство переходит к сравнительно более культурным «обновленным» приемам своей работы. Они организуют всякого рода хоровые кружки, кружки рукоделия, мастерские, пытаются даже организовать всяческие детские кружки, проповедуют организацию детских ясель с религиозным влиянием на матерей и проч.» [20, л. 2-3].

Перед руководством стояла задача подвести под борьбу с религией и церковью краткий и понятный всем лозунг. Группа И. Сталина или он лично понимали, что необходимы нестандартные решения. Объявленная нэпману и кулаку война набирала обороты, но церковные организации и тем более религию (являвшиеся неотъемлемой частью жизни граждан и всей большевистской пропагандой уже давно обозначенные как «откровенная контрреволюция») можно было приписать к ней только резким, авантюрным информационным наскоком. Это и было в итоге осуществлено, но, по традиции, в партии, комсомоле, в обществе была организована дискуссия, и осуществлена подводка мнения населения к необходимой оценке ситуации. Главная роль, как уже отмечалось, была отведена «Комсомольской правде», ЦК ВЛКСМ и Е. Ярославскому с его Союзом безбожников (СБ). Кроме того что молодая большевистская поросль могла наиболее радикально поставить любой вопрос и имела определенное влияние, именно комсомольцы отличались слабой постановкой антирелигиозной работы. Утвержденная секретариатом ЦК ВЛКСМ 25 марта 1930 г. резолюция о работе в 1929 г. Западного обкома и ЦК ЛКСМ Белоруссии рисует неприглядную картину: «ЦК отмечает: Антирелигиозная работа не включена во всю хозяйственно-политическую и пропагандистскую работу, проводимую Союзом. Повседневная систематическая работа подменяется кампанийщиной и поэтому антирелигиозная работа превращается в самодовлеющую, оторванную от непосредственных задач Союза, работу. Массовое безбожное движение трудящейся молодежи чрезвычайно слабо организационно закрепляется» [23, л. 70]. Для комсомольцев характерными были хулиганские выходы, оскорбления священнослужителей, верующих, нанесение урона их имуществу, антирелигиозные карнавалы и шествия. Очередной выпад на уровне всего СССР реабилитировал в первую очередь руководство ЦК ВЛКСМ перед вождем. Это фактически позволяло не вносить в устоявшуюся практику антирелигиозной деятельности серьезных изменений. По-другому организовать работу пока не получалось, и перспективы были призрачны. Ем. Ярославскому была поставлена задача объединения всех своих единомышленников по флагами СБ, однако итоги деятельности были не утешительны. К 1929 г. по самым оптимистичным данным в СССР насчитывалось не более полумиллиона членов данной организации [9, с. 87]. Качественный состав первичных организаций был чрезвычайно низок. В основном это были случайные люди, участие в союзе для них было вынужденной мерой, а заниматься систематической атеистической работой они были не в состоянии. Позиции СБ были весьма уязвимы. Атеистическое перевоспитание масс однозначно трактуется как «фронт» со всеми вытекающими отсюда последствиями: «Борьба с религией и религиозными организациями есть одна из насущных партийных задач, одна из серьезнейших задач классовой борьбы с капиталистическими элементами» [24, л. 11].

Словам Е. Ярославского вторил на втором съезде Союза воинствующих безбожников (СВБ) его заместитель А. Лукачевский. Он однозначно указывал на классовую сущность антирелигиозной деятельности и ее тесную связь с борьбой против злейших врагов социалистического государства – кулака и нэпмана: «Прямые политические кампании, возьмем например перевыборы Советов, и кампании непосредственно связанные с социалистическим строительством, и тоже имеющие политическое значение, возьмем, например, распространение займов, не получают в некоторых местах желательного размаха вследствие противодействия церковников и сектантов. Контрреволюционная политическая борьба ведется под евангельскими лозунгами» [25, с. 5]. При организации перевыборов в БССР в 1929 г. фиксировались случаи стремления поддержки не пробольшевистски настроенных кандидатов, но это было в рамках действующего законодательства и к распространению атеизма прямого отношения не имело [26, л. 43]. Фактически программная речь второго лица Центрального совета (ЦС) СВБ СССР нацеливала не на борьбу с религиозным мировоззрением граждан, а на поиск мер по ликвидации возможности участия религиозных деятелей в любых общественно значимых делах своих единомышленников. То, что подобные выпады являлись итогом нажима из ЦК ВКП(б), а не позицией ЦС СВБ говорит и характеристика подобного прямолинейного подхода к антирелигиозной деятельности, данная в 1928 г. одним из его сотрудников Ф.М. Путинцевым: «Было бы слишком упрощенно и ошибочно сводить всю антирелигиозную пропаганду к агитационному разжиганию классовой борьбы и ненависти против кулаков в деревне» [9, с. 89]. Как специалист в данной отрасли автор прекрасно понимал, чем отличается атеистическое воспитание от предлагавшейся очередной кампании по созданию видимости безрелигиозности максимально возможного числа граждан. На пагубность подмены информационно-разъяснительной и просветительской работы поиском контрреволюционной агентуры среди подавляющего большинства населения указывали М. Ка-

линин, Н. Бухарин и даже абсолютно не терпимый к религии нарком образования А. Луначарский. Председатель СНК СССР, член политбюро ВКП(б) А. Рыков на XVI Всероссийском съезде Советов в мае 1929 г. предостерегал желавших «покрепче ударить по религиозному дурману» конкретными вопросами: «Где этот дурман, где его нужно уничтожить? Его нужно уничтожить в головах людей. О каких людях идет речь? О тех крестьянах и тех рабочих, которые до сих пор еще не расстались с религией. Ведь это не борьба с нэпманом. Речь идет о работе среди трудящихся классов населения» [9, с. 89]. Не понимал председатель правительства замысла генерального секретаря и вскоре был переведен на менее ответственную должность.

Отход от некорректных, вульгарных форм атеистического просвещения к сплошному классовому подходу значительно ухудшал ситуацию с пропагандистским сопровождением закрытия храмов. Возобновленная в 1927 г. практика постепенного сужения сети молитвенных домов с привлечением к принятию решений местного населения несколько легитимировала процесс. Намечавшееся обострение отношений с верующими требовало усиления разъяснительной работы и в первую очередь по вопросу закрытия храмов и их репрофилирования под иные нужды. Не смотря на постоянные указания и требования высшего партийного руководства об осторожном и взвешенном подходе в данном вопросе, на местах не могли не удовлетворить и требования об обострении классовой борьбы, а потому центральные органы ОГПУ констатировали следующую ситуацию: «Закрытие молитвенных домов происходит ненормально, хаотически, без соблюдения партийных и советских директив, а иногда и с прямым и вредным для дела антирелигиозной пропаганды издевательством над предметами культа (стрельба в иконы, пускание ракет в верующую толпу и т.п.)... Ссылки на то, что против закрытия выступают одни лишь кулаки, нэпманы и попы, не только не правильны, но и вредны, так как они нередко обостряют отношения с верующей массой, родственной нам по своему социальному положению» [15, л. 2].

Ситуация вызывала подобную обеспокоенность уже в 1929 г., то есть еще в начале массового закрытия храмов, арестов священнослужителей и активных прихожан. Главный антирелигиозник ОГПУ Е. Тучков в докладе в ЦК ВКП(б) просит обратить «внимание соответствующих организаций, что подмена и замена идеологической борьбы с религиозными предрассудками борьбой одними административными мероприятиями и, к тому же, без соблюдения законов и партийных директив по этому вопросу, дает отрицательные результаты» [15, л. 3]. Опасность ликвидации богослужебных зданий на местах была весьма велика. И на XVI Всероссийском съезде Советов, и на II съезде СВБ значительное количество выступающих именно силовые способы считали не только наиболее эффективными, но и единственно возможными в сложившейся ситуации. Подобный радикализм был еще недопустим. Необходима была и серьезная пропагандистская работа, увязка борьбы с «поповщиной» с борьбой за социализм, за экономический рост и достижение благополучия общества. Антирелигиозная атака не могла ограничиваться только репрессивными методами. Решающее слово должен был сказать партийно-государственный идеологический актив. Стратегия и тактика решающего наступления выработывалась на декабрьском заседании оргбюро ЦК ВКП(б) и изложенная в циркулярном письме ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Республиканские партийные организации в рамках указаний ЦК ВКП(б) так же выработывали свои комплексы мер по борьбе с религией и церковью. ЦК КП(б)Б старался максимально обеспечить выполнение поставленных центром задач и сконцентрировал свои усилия по двум основным направлениям: формирование республиканской структуры Союза безбожников; усиление научно-методического сопровождения антирелигиозной деятельности [19, л. 2].

Союз безбожников в рамках СССР начал создаваться еще в 1925 г. В БССР с 1926 г. действовало Общество друзей газеты «Безбожник», переоформленное в 1929 г. на первом съезде безбожников БССР. За три года своего существования организация не стала массовой структурой. Учет членов и даже первичных организаций проходил формально. Многие организации существовали только на бумаге, а в некоторых существующих единственной формой деятельности, кроме участия антирождественских или антипасхальных кампаниях, был сбор взносов. Партийное постановление требовало обеспечить численный рост организации, способной противостоять возрастающей активности религиозных структур. Предстояло сформировать безбожную вертикаль по примеру партийной и комсомольской. Для этого следовало выделить из существующего актива людей, способных к подобной деятельности, закрепить за ними определенные полномочия и заставить провести в весенний период 1929 г. мероприятия по созданию первичных, районных, городских организаций. Практически невозможно проанализировать качественные показатели работы по созданию СВБ, но количественные были весьма убедительны. К 1 января 1930 г. уже насчитывалось более 42 тысяч членов [27, л. 24] против не более чем 8 тысяч в 1928 г. [28, л. 15].

Усиление научно-методического сопровождения антирелигиозной работы проходило на базе уже достаточно укрепившейся системы партийного просвещения, в которой к 1929 г. работало 950 пропагандистов против 365 учебным годом ранее [29, л. 521]. В том же году более 1300 коммунистов изучали курс заочного коммунистического университета. Да и сама компартия насчитывала на 1 апреля 1930 г. 39 256 членов. Это был значительный актив при условии его вовлечения в организацию антирелигиозной

работы, основными исполнителями которой должны были стать комсомольцы, советские и профсоюзные деятели, руководители промышленных предприятий и колхозов, красноармейцы и сотрудники иных силовых структур, инженерно-технические работники и представители творческой интеллигенции. Вовлечение, в первую очередь данной категории, должно было стать залогом распространения атеистического мировоззрения в рабочей и, что особенно важно, в крестьянской среде, где процент верующих был самым высоким. В 1929 г. резко активизировалась издательская деятельность антирелигиозников. Например, издательство «Безбожник» в 1927–1928 гг. выпустило 79 книг, в 1929 г. – 137, а в 1930 г. – 244. [30, с. 59–60]. В БССР увидели свет работы известных специалистов в области истории религии и церкви Н.М. Никольского и Г.А. Гурева. На страницах периодической печати предполагалось проводить более глубокое и содержательное освещение вопросов борьбы с религией. К пропаганде безбожия подключалась вся сфера культуры. Предполагалось также организовать курсы по подготовке пропагандистов антирелигиозников. Таким образом, предложенные меры включали в себя практически все возможные меры информационно-пропагандистского воздействия на население. Закрытие культовых помещений также являлось важным элементом пропаганды позиции государства по отношению к религии, и темпы работы здесь весьма впечатляли (табл.).

Таблица

Закрыто	В 1928 г.	В 1929 г.	В 1930 г.
Церквей	5	34	60
Костелов	1	-	4
Синагог	15	45	68
Часовен	4	7	3

Источник: [31, л. 4].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что антирелигиозная политика партийно-государственных структур в 1929 г. претерпела значительные изменения. Фактически исповедание той или иной религии начало трактоваться как потенциальная угроза социалистическому строю. Все служители церкви и религиозный актив были переведены в разряд непосредственных организаторов вредительства народному хозяйству. Атеистическое перевоспитание населения было названо как одно из основных условий построения нового коммунистического общества и обеспечения национальной безопасности СССР. Были предприняты решительные меры по формированию организационной структуры СВБ, путем вменения в обязанности общественным и государственным структурам задач по всемерной материальной и кадровой поддержке безбожия. Безосновательно примененный к верующим и священнослужителям классовый подход сыграл дезорганизующую роль в деле насаждения атеизма и способствовал распространению нетрадиционной религиозности, в том числе в ее крайних деструктивных формах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукачевский, А. Безбожники стройте колхозы / А. Лукачевский. – М. : Безбожник, 1930. – 13 с.
2. Олещук, Ф. Н. Борьба с религией – борьба за социализм / Ф.Н. Олещук. – М. : Изд-во ВЦСПС, 1931. – 62 с.
3. Путинцев, Ф. М. Политическая роль сектанства / Ф.М. Путинцев. – М. : Безбожник, 1929. – 127 с.
4. Союз безбожников : сборник материалов для организации безбожной работы на предприятиях и в деревне. – М. : Изд-во "Безбожник у станка", 1929. – 72 с.
5. Эліяшэвіч, І. Рэлігія ў барацьбе за рабочую моладзь / І. Эліяшэвіч. – Мінск : Белдзяржвыд, 1929. – 72 с.
6. Ярославский, Е. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды / Е. Ярославский. – М. : Центральное издательство народов СССР, 1930. – 93 с.
7. Платонов, Р.П. Идеологическая работа КПБ в годы социалистической индустриализации (1926–1929) / Р.П. Платонов. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 89 с.
8. Воронцов, Г.В. Массовый атеизм: Становление и развитие / Г.В. Воронцов. – Л. : Лениздат, 1983. – 211 с.
9. Алексеев, В.А. Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М. : Россия молодая, 1992. – 246 с.
10. Кашеваров, А.Н. Государство и церковь : Из истории взаимоотношений Сов. власти и рус. православ. церкви, 1917–1945 гг. / С.-Петерб. гос. техн. ун-т ; Науч. совет гос. н.-и. прогр. "Народы России: возрождение и развитие". – СПб. : СПбГТУ, 1995. – 139 с.
11. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
12. Навіцкі, У.І. Змена канфэсіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX-га ст. // Канфэсіі на Беларусі / В.В. Грыгор'ева [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
13. Протьюко, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протьюко. – Минск : Тесей, 2002. – 688 с.

14. Стенограмма антирелигиозного совещания при агитпроп отделе ЦК ВКП(б). Т. 2. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 60. Д. 791.
15. Ярославский, Е.М. Записки Криницкому с просьбой поставить на заседании Оргбюро проект циркулярного письма ЦК ВКП(б) о закрытии церквей и протокол от 23.05.1929 г. заседания комиссии по этому вопросу с приложением проекта циркулярного письма ЦК ВКП(б) о закрытии церквей / Е.М. Ярославский // РГАСПИ. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 125.
16. Корреспонденция с мест об отходе населения от религии // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5407. Оп. 2. Д. 132.
17. Сталин, И.В. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г. / И.В. Сталин // Сочинения : в 16 т. – М. : Гос. изд-во политической лит-ры, 1949. – Т. 10. – С. 92–148.
18. Доклад секретаря ЦК КП(б)Б В.Т. Кнорина на курсах работников-пропагандистов 16 июня 1928 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4294.
19. Проект постановления бюро ЦК КП(б)Б от о мероприятиях по усилению антирелигиозной работы, тезисы к докладам об антирелигиозной пропаганде, [статья] «Друк у барацьбе з рэлігіяй» // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508.
20. Ярославский, Е.М. Речь и заключительное слово на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросам о мерах по усилению антирелигиозной работы / Е.М. Ярославский // РГАСПИ. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 26.
21. Переписка Комиссии при Президиуме ВЦИК по делам культов с управлением делами СНК и СТО, коллегией НКЮ, НКФ, республиканскими и областными прокуратурами, ЦИКами АССР о налогообложении, закрытии церквей, неприемлемых действий местных властей и др. // ГАРФ. – Ф. 5263. Оп. 2. Д. 7.
22. Сталин, И.В. О работах апрельского объединительного пленума ЦК и ЦКК: Доклад на собрании активистов московской организации ВКП(б) 13 апр. 1928 г. / И. В. Сталин // Собр. соч. – М. : Госполитиздат, 1953. – Т. 11. – С. 459–523.
23. Протокол № 34 заседания Секретариата ЦК ВЛКСМ и материалы к ним // РГАСПИ. – Ф. 1 м. Оп. 4. Д. 443.
24. Антирелигиозник. – 1929. – № 7.
25. Антирелигиозник. – 1929. – № 6.
26. З пратакомі пасяджэння РК КП(б)Б, пленумами Нараўлянскага РК КП(б)Б, планами работы // Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 100.
27. Постановление Центрального Комитета КП(б)Б о проведении перевыборов бюро ячеек Воинствующих безбожников. Выписки из заседания Секретариата ЦК КП(б)Б. Отчет Минского горсовета о работе Союза Воинствующих безбожников и обследованию антирелигиозной пропаганды по районам // НАРБ. – Ф. 261. Оп. 1. Д. 14.
28. Резолюции и постановления партийных органов по антирелигиозной работе (март 1926– апрель 1927г.) // НАРБ. – Ф. 261. Оп. 1. Д. 1.
29. Выписки из протоколов заседаний секретариата ЦК КП(б)Б, протоколы заседаний коллегии агитационно-пропагандистского отдела, президиума латышского, еврейского и польского бюро при ЦК КП(б)Б, документы к ним // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3524.
30. Антирелигиозник. – 1935. – № 6.
31. Акт о передаче дел и имущества ЦС СВБ. Сведения о количестве религиозных общин и молитвенных домов // НАРБ. – Ф. 261. Оп. 1. Д. 13.

Поступила 11.04.2016

THE TRANSFORMATION OF MAIN AREAS OF ANTIRELIGIOUS WORK IN 1929

I. YANUSHEVICH

The causes of changes in the forms and methods of anti-religious work in the USSR and in the BSSR at the turn of the 1920–1930s are analyzed. Changing of socio-political situation on the eve of the year of “the great turning point” and the contradictions in the formation of the population of the materialist worldview are studied. The role of the Communist Party, the Komsomol and other public organizations in the fight against religion and the church is revealed. The validity of the class approach application to religious organizations and clergy is analyzed.

Keywords: year of “the great turning point”, anti-religious propaganda, the Orthodox Church.